

Александр Асмолов

«Уходит наш поезд в Освенцим!

Наш поезд уходит в Освенцим

Сегодня и ежедневно!»

А.Галич

Феномен «вечно Чужие»: мотивация Чужого и символический антисемитизм в драмах человеческой истории

В статье обсуждается мотивация Чужого и феномен «вечно Чужие» в человеческой истории. С позиций историко-эволюционного подхода раскрываются природа антисемитизма, ксенофобии и толерантности как механизмов уничтожения и поддержки разнообразия в разных культурах. Обосновывается необходимость более широкого привлечения искусства как потенциального источника преодоления установок антисемитизма и ксенофобии в современных обществах.

Ключевые слова: мотивация, ксенофобия, антисемитизм, катарсис, эволюция, мультикультурализм, искусство.

Почему евреи в пёстром спектре проявлений ксенофобии держат печальную пальму первенства в полной драм и страданий истории человечества? По каким причинам «катастрофа», «шок», «холокост», физическое и психологическое истребление евреев, погромы, изгнания являются мрачными перманентными знаками скитаний еврейского народа во времени и пространстве? Какие загадочные мотивы скрываются от рационального сознания за тем фактом, что в универсальных бинарных оппозициях (Клод Леви-Стросс) «свои – чужие», «мы – они», «наши – не наши» именно евреи чаще всего оказываются причисленными к категории отверженных – «чужих» и «не наших»? И почему в подобных оппозициях, присущих любым социальным системам – «закрытым» и «открытым», тоталитарным и демократическим, деспотиям и республикам, трагическая роль «Вечно Чужие» неизменно сохраняется в различных спектаклях человеческой истории при любых сменах политических декораций?

Бесстрастный поиск ответов на эти вопросы невозможен «...там, где сознанию узко и больно» (М.Я. Гефтер, 2004), и немислим тогда, когда гул поезда, уходящего в Освенцим всё нарастает и нарастает. И чем больше становится сознанию, тем сильнее вытесняются в коллективное бессознательное травмы Холокоста, геноцида и ГУЛАГа (см. об этом, например: З.Бауман. Актуальность Холокоста (2010), И. Альтман. Отрицание Холокоста (2001)).

Не претендуя на бесстрастные ответы на поставленные вопросы, позволю себе высказать несколько тезисов, касающихся, во-первых, связи антисемитизма с ксенофобией; во-вторых, отрицания Холокоста и одновременно наличия иллюзий об

ослаблении антисемитских установок в массовом сознании населения в постсоветских и европейских странах, подкрепляемых порой ссылками на данные социологических опросов общественного мнения; в-третьих, необходимости расширения невербальных психотехнологий и культурных практик формирования толерантности и противодействия антисемитизму через средства массовых коммуникаций и искусства (театр, кино, литература, социальная реклама и т.п.), создающих эффект *катарсиса* и способствующих изменению ксенофобских установок у разных социальных групп.

1. *Феномен «вечно Чужие», антисемитизм и ксенофобия: историко-эволюционный анализ*

При самых разных подходах к пониманию природы антисемитизма нередко явно или неявно проступает тенденция рассматривать антисемитизм вне контекста различных других проявлений ксенофобии: этнофобий, мигрантофобий, расовой дискриминации и нетерпимости. В результате антисемитизм в любых своих формах - политический антисемитизм, идеологический антисемитизм, религиозный, и бытовой антисемитизм – начинает восприниматься и интерпретироваться исключительно как этнический феномен. Отсюда по самым разным причинам всего один шаг к представлению Холокоста как трагедии исключительно еврейского народа, а не всего человечества. Эта незамысловатая логика приводит к вытеснению памяти о Холокосте из общей памяти человечества. Она же мешают, с другой стороны, увидеть связь антисемитизма с охотой на ведьм в разные века (см., например, М. Тендрякова. Охота на ведьм: исторический опыт интолерантности, 2006), с тем, что носители разнообразия в разных культурах, носители инакомыслия преследуются, изгоняются по социальным и психологическим мотивам, которые потом прячутся под различными этническими маркерами, этническими масками. Иными словами, мотивация Чужого, лежащая в глубинах любой ксенофобии, имеющая социальную природу, означивается и фиксируется в агрессивных этнических стереотипах поведения, этнических предрассудках обыденного сознания. Социальный Другой становится этническим Чужим, превращается в удобную и социально одобряемую мишень агрессии фанатиков и фундаменталистов. Смысл взаимоотношений историко-эволюционных и социальных истоков ксенофобии с этническими установками можно передать следующим образом: мотивация Чужого первична; значение же этой мотивации через этнические установки вторично, т.е. производно от неё.

Поэтому важно отрефлексировать то, что исторически и психологически Холокост, являющийся чудовищным последствием государственной политической и идеологической антисемитской доктрины фашизма, - это синдром расчеловечивания всего человечества, а не только национального геноцида как катастрофы еврейского народа.

Я не раз повторял в своих статьях и выступлениях страстную формулу Михаила Гефтера, что *«геноцид не бывает против кого-то, геноцид всегда против всех»*. Именно эта формула помогает постичь эволюционный смысл геноцида, ксенофобии, Холокоста как проявлений саморазрушения и самораспада, влекущих за собой в историко-эволюционном процессе уничтожение и человечности, и человечества в целом (см. об этом цикл работ А. Асмолов, 2012 а, б).

Для того, чтобы избавиться от политической слепоты, приводящей к игнорированию в политической жизни, науке и культуре связи между антисемитизмом , ксенофобией и толерантностью, остановлюсь на характеристиках эволюционного смысла этих явлений.

В контексте историко-эволюционного анализа развития сложных систем *толерантность рассматривается как норма поддержки разнообразия, прогресса разных систем, в том числе ценности и уникальности каждого человека, этноса, их права быть «иными», не похожими на других.*

Ксенофобия же, исходно – страх, боязнь, неприятие Чужих, в каких бы формах этнофобии она ни выступала, в том числе в форме антисемитизма, представляет собой историко-эволюционный механизм погашения , элиминации разнообразия систем, особо резко проявляясь в условиях вызовов неопределенности, мобильности, межвластия и межвременья. Именно в условиях роста неопределенности ксенофобия, этнофобия, антисемитизм осознанно или неосознанно используются как социальные инструменты погашения разнообразия, инакомыслия, в целом блокирование иных путей эволюции культуры. Питательным раствором для подавления социального, культурного, религиозного, этнического, индивидуального разнообразия с древних времен являются разные конспирологические концепции (концепции заговора), конструируемые различными идеологами закрытых политических и религиозных систем. Сколь бы ни отличались друг от друга концепции заговора, смею предположить, что их побуждающей и смыслообразующей силой, их доминирующей мотивацией неизменно являлась мотивация отвержения Чужого как потенциального источника разнообразия, угрозы и смуты.

Замечу, что феноменологический анализ мотивации Чужого, её связи с историей и современностью, понимания Чужого как носителя хаоса, инновации, нарушения порядка содержится в цикле исследований немецкого философа Бернхарда Вальденфельса, в том числе в сборнике его работ, озаглавленном «Мотив Чужого» (1999).

Антисемитизм, этнофобия, ксенофобия – это экстремальные формы поведения, реагирования не просто на Другого, Иного, а именно на Чужого как носителя хаоса и социального эмбриона другого порядка. *Иные, Другие – смущают; Чужие – возмущают.*

Они несут потенциальную опасность не только и не столько расшатывания традиции, Порядка (см., например И. Пригожин, Стенгерс, 1988), а превращения Беспорядка в нескончаемую форму жизни, конструируют, пользуясь выражением английского методолога Рома Харре, «Правила беспорядка» (1978). Правила беспорядка в истории несут различные представители смеховой культуры (М.Бахтин), молодёжь как потенциальный социальный субъект возмущающего поведения (Р.Харре), еретики в религии и науке, диссиденты в политике... Но среди всех этих меняющихся Других и Иных не только экстремальные, но и экстремистские ксенофобские социальные действия наиболее сфокусировано направлены на «вечно чужих», на сынов и дочерей еврейского народа. Психологически точные строки Владимира Высоцкого наглядно иллюстрируют то, как агрессивные мотивы криминальной субкультуры – уголовников и шпаны – социально одобряются обыденным сознанием, когда их мишенью становятся евреи:

Зачем мне считаться шпаной и бандитом
Не лучше ль податься мне в антисемиты
На их стороне хоть и нету законов,
Поддержка и энтузиазм миллионов.

Бытовая агрессия становится как бы узаконенной и понимаемой миллионами, когда она национально окрашивается, превращается из уличной бойни в погромы, а погромщиков молва наряжает в героизированные одежды спасителей отечества.

Не связана ли загадка антисемитизма, получающего одобрение толпы, общества или государства, как проявления феномена «вечно чужие» с тем, что в ментальности представителей многих культур с еврейским народом устойчиво ассоциируется страх превращения беспорядка в форму жизни, как *норму* на все времена? Да и кто же по своей воле захочет по «вине» этого амбициозного, изменяющего порядки и ухитряющегося не изменять себе народа, навсегда поселиться в эпохе перемен?

Итак, историко-эволюционный анализ связи антисемитизма, ксенофобии и толерантности показывает, что за ними стоят механизмы погашения и поддержки разнообразия в эволюции различных социальных систем и культур. Подобная интерпретация позволяет в более широком эволюционном масштабе взглянуть на политические баталии вокруг мультикультурализма, забвения Холокоста и увидеть за действиями разных социальных групп мотивацию отторжения Чужого.

2. *Мультикультурализм и символический антисемитизм: о чем молчат социологические опросы*

Волны мигрантов, захлестнувшие Европу, стали реальной угрозой для лидеров ряда ведущих стран, в первую очередь Германии и Франции, придерживающихся политики мультикультурализма, толерантности и политкорректности. На этом фоне все резче звучат голоса интеллектуалов, утверждающих, что политическая практика мультикультурализма изжила себя, а идеология толерантности как жизни в общем доме с непохожими людьми потерпела окончательный крах [см., например, Л.Г. Ионин. Апдейт консерватизма (2010); С. Жижек. О насилии (2010), Л. Харрисон. Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма (2014)]. Атаки на политический дискурс толерантности отлично уживаются с разбрасыванием на поле интолерантности семян всевозможных конспирологических концепций, с поиском врагов народа, национал-предателей, табу на освещение Холокоста в учебниках истории, извлечением из вековой пыли заговора сионских мудрецов, появлением в Интернете бесчисленных «сайтов ненависти». Но при всем этом пире интолерантности и мракобесия то в России, то в Европе то и дело появляются оптимистические данные социологических опросов, утверждающих, что небывалая, по своему размаху, мигрантофобия сочетается с тенденцией ослабления антисемитских установок в Европе и постсоветском пространстве.

За этими социологическими опросами проступает, как уже упоминалось выше, политическая слепота, из-за которой аналитика, посвященная ксенофобии, - один особый мир; а аналитика же антисемитизма – совсем другая реальность. И вместе исследованиям ксенофобии и антисемитизма не сойтись.

Подобная позиция вытекает из-за нечеткого понимания различий между антисемитскими вербальными установками, улавливаемыми через опросы, анкеты, интервью, так называемыми «прямыми методами» исследования общественного мнения, и установками, вытесненными в бессознательное. Эти неосознаваемые установки свидетельствуют о существовании глубинного мотива Чужого, проявляющегося в том числе и в особом «символическом антисемитизме».

Вводя понятие «*символический антисемитизм*», я основываюсь на известном в психоанализе разграничении детских и символических сновидений. Это разграничение было введено Зигмундом Фрейдом в его классическом труде «Толкование сновидений», вышедшем еще на самой заре XX века. В детских снах вытесненное желание сбывается в своей самой прямой форме: во сне человек достигает того, о чем мечтал, но чего не в силах был достичь в реальности. В символических снах вытесненное желание прорывается на поверхность сознания в закодированных от нашего Я иносказательных формах.

Прибегая к аналогии с символическими сновидениями можно предположить, что символический антисемитизм, несущий мотивацию ксенофобии, предстает в массовом сознании в других одеждах. Он, как это показано в исследовании В.Ф. Петренко «Психосемантический анализ этнических стереотипов: лики толерантности и нетерпимости» (2000), может выражаться в семантическом пространстве такими понятиями как «либерал», «демократ» и т.п. , быть рядом с этими конструктами, соседствовать с ними в контексте бинарной оппозиции «свои – чужие».

Отсюда, напрашивается вполне очевидный вывод о том, что для понимания изменений на барометре «толерантности – интолерантности» в Европе и России необходима комплексная диагностика антисемитизма и ксенофобии, мотивационных установок отвержения Чужого социологическими, психосемантическими и проективными методами изучения ментальных картин мира, осознаваемых и неосознаваемых установок разных социальных групп.

Мой интерес к комплексной диагностике символического антисемитизма – это не только и не столько праздное пристрастие к «чистым» академическим изысканиям. Как только в обществе раздается клич «ату либералов и демократов», круши идеологов толерантности и мультикультурализма, стоящая за этими лозунгами мотивация «символического антисемитизма» с космической скоростью перерастает в мотивацию вполне зримого политического и государственного антисемитизма. И тогда на разных языках звучащий хор «распни евреев» становится песней «Хорст Вессель» (Horst Wessel Lied), народным гимном фанатиков и фундаменталистов разных наций и стран.

В ценностном плане за любыми проявлениями ксенофобии и символического антисемитизма прорывается в наше сознание, если прибегнуть к мудрой метафоре писателя Виктора Ерофеева «архетип коллективной бессовестности». Этот глубинный архетип коллективного бессознательного (Карл Юнг) вряд ли возможно изменить только вербальными, чисто информационными технологиями социальной коммуникации, в том числе через систему рационального образования.

3. Искусство как культурное средство катарсиса отторжения Чужого в жизни общества

Как преодолеть ксенофобские и антисемитские установки личности? Почему разные политики в Европе и России, зная о Холокосте, проявляют архетип коллективной бессовестности и отказываются даже молча почтить вставанием память более 6 миллионов убитых и замученных жертв Холокоста? Достаточно ли различных образовательных программ, учебников, традиционных лекций, несущих знание о Холокосте, Гулаге, геноциде для профилактики ксенофобии и антисемитизма?

Для ответа на эти вопросы напомним разделение пропагандистских воздействий на предрассудки массового и индивидуального сознания, предложенное известным социальным психологом А. Харашем, на два типа: «информационные» воздействия, содержащие только факты о тех или иных событиях, и «интерпретационные» воздействия, транслирующие позицию личности по отношению к тем или иным событиям. В экспериментах А. Хараша было показано разительное отличие друг от друга по эффективности «информационных» и «интерпретационных» воздействий на смену социальных установок личности. Оказалось, что в результате информационного воздействия социальные установки поменялись у 28% респондентов; в результате интерпретационного воздействия установки изменились у 72% респондентов (см. об этом А. Асмолов, 2007).

При всей важности и ценности образовательных программ, в том числе и ярких программ о трагедии Холокоста, которые многие годы проводили в России мои коллеги А. Гербер и И. Альтман, наряду с этими программами и лекциями необходимо как можно шире опираться на литературные произведения, театральные постановки, кино, порождающие могучие механизмы катарсиса как переживания трагедии Холокоста и геноцида. Именно произведения искусства, такие как «Убежище. Дневник в письмах» Анны Франк, «Бабий яр» Евгения Евтушенко, «Люди-нелюди» и «Охота» Владимира Тендрякова; фильмы - «Обыкновенный фашизм» Михаила Ромма, «Список Шиндлера» Стивена Спилберга, «Прощай XX век» Саввы Кулеша, постановки необычного театрального фестиваля Льва Додина «Мы и Они = Мы», международный проект Ильи Кабакова «Парусник толерантности» – вот далеко не полный список произведений искусства, открывающих через катарсис путь к изменению мотивации отвержения Чужого, к сопереживанию коллективной боли народов и личностей, ставшими жертвами национальной нетерпимости, антисемитизма и ксенофобии, к преодолению «коллективной бессовестности».

В театре Европы Льва Додина при обсуждении трагедии в польском местечке Едвабне мне запомнились проникающие в самую душу слова: « Для нас толерантность должна быть не только идеологией. Толерантность – это гигиена души».

Не знаю, сумеем ли мы искусством преодолеть ту гнетущую «банальность зла», о которой проникновенно писала Хана Арендт (2008). Не знаю, но верю, что преображающая сила катарсиса - очищения через искусство разлагающей души мотивации отторжения «вечно Чужих» - это наш шанс, шанс остановить гул колес поезда, который уходит в Освенцим сегодня и ежедневно.

ЛИТЕРАТУРА

- Альтман И.А. Отрицание Холокоста, 2001.
- Асмолов А.Г. Психология личности. Культурно-историческое понимание человека, 2007.
- Асмолов А.Г. Сезон «обыкновенного фанатизма» // в книге Асмолов А.Г. Оптика просвещения , 2012, с. 79-86.
- Асмолов А.Г. Геноцид – трагедия расчеловечивания человечества // в книге Асмолов А.Г. Оптика просвещения , 2012, с.87-90.
- Арендт Хана Банальность зла, 2008.
- Бауман З. Актуальность Холокоста, 2010.
- Гефтер М.Я. Там, где сознанию узко и больно, 2004.
- Жижек С. О насилии, 2010.
- Ионин Л.Г. Апдейт консерватизма, 2010.
- Петренко В.Ф. Психосемантический анализ этнических стереотипов: лики толерантности и нетерпимости, 2010.
- Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой, 1986.
- Тендрякова М.В. Охота на ведьм. Исторический опыт интолерантности, 2006.
- Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты. Культурный капитал и конец мультикультурализма, 2014.
- Harre R., March P., Rosser E. The rules of disorder. 1978.